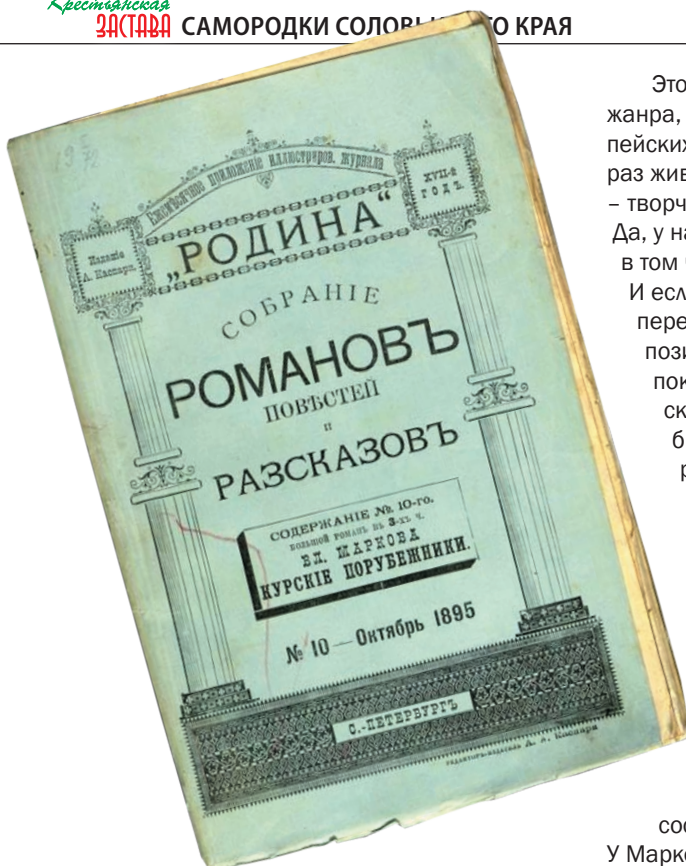

тезиса «о партийности литературы», говорящее об отсутствии внятного представления о рассматриваемом предмете. Судя по всему, автор просто не читал текста, поскольку в реальности роман «Курские порубежники» не содержит в себе никакой идеологии, никакого дворянского посылы. Это широкое, чисто художественное полотно в той же степени, что и, например, романы Вальтера Скотта «Пуритане», «Роб Рой» или «Айвенго». Причём исполненное кистью большого мастера.

Живые картины

В одной из немногих прижизненных рецензий в связи с последовавшими за «Курскими порубежниками» романами «Лихолетье. Смутное время» (1882 г.), «Рассвет. Предки в трудное время» (1903 г.) Владислава Маркова обозвали «залежалым романистом загоскинской школы». Понятно, что даже тематически данная традиция идет от «Юрия Милославского» (1829 г.), но очевидно также и то, что реализация здесь проводится на новом, более зрелом этапе. Что сказывается и в сюжетостроении: хроника вместо классической фабулы и отсутствие любовного хеппи-энда.

Это естественное развитие жанра, происходившее и в европейских литературах, и у нас. Как раз живейшее тому подтверждение – творчество Владислава Маркова. Да, у нас была великая литература, в том числе в популярных жанрах. И если бы эти книги стабильно переиздавались и по достоинству позиционировались, то не одно поколение российских и советских читателей воспитывалось бы на них. Наравне с шедеврами Дюма, Вальтера Скотта, Стивенсона.

Во время чтения и прочтении «Курских порубежников» возникает одно ассоциативное слово – живопись. Пространство романа под завязку наполнено живописными пейзажами и живыми полнокровными образами, причём всех сословий и национальностей. У Маркова равно симпатичны и воеводы, и разбойники, и бродяги. Как сторонники, так и противники царя Бориса Федоровича Годунова. Вот кудесник Щигор, символизирующий иррациональность природного мира:

«То был старик, согнувшийся от лет и потому казавшийся ниже, чем был; желтоватая борода клочьями падала на грудь, начинаясь чуть не под самыми глазами, что ушли глубоко в костяки, и оттуда, из-под жестких кустистых бровей, горели зеленоватым светом, как у змеи. Обессиленное летами, но неразрушенное тело старика представлялось широким сухожиловатым костяком, высохшим и обтянутым темною, чуть не черною мозолистою кожей. Клоchy желтоватых волос повсюду пробивали эту черную кожу, лезли из ушей, кустились на искривленных пальцах, с огромными, нестриженными ногтями; пальцы старика сильно смахивали на птичьи когти; острый, что клюв, нос свесился над ртом, добавляя его сходство с хищною птицей. Надвинутая на брови остроконечная рысья шапка и вытертый полу-

шубок грели столетнее, еще крепкое тело, а высохшие босые ноги почти касались огня, словно не чувствовали жара. Кудесник Щигор казался полумертвым...»

Его антиподом выступает игумен Коренной пустыни отец Манасия – носитель внеземной мудрости. Интересно, что христианское мироощущение подкрепляется занятиями «любимой его арабской наукой астрологией» и выливается в пророчество: «В сию хартию заново достопамятные события на память потомкам, – прошептал он, взяв тетрадь и перечитывая страницу. – Мудры дела Господни столько же, сколько безмерна милость Его. Печерский монастырь, что у Нижнего, разрушился оттого, что гора осела в Волгу. Знамение сие к тому, что роду царскому от Рюрика – конец».

С глубоким проникновением в национальное самосознание описываются не только русичи, но и представители исторически враждебных народов – поляков и крымских татар (нет, это вовсе не положительные персонажи, но они симпатичны как, например, пираты в «Острове сокровищ»).

План Курского детинца

1. Монастырь Знаменский. 2. Канцелярия.
3. Башня Красная. 4. Башня Мускарная.
5. Башня выездная. 6. Башня Никитская.
7. Архиперейский дом. 8. Дворы. 9. Мельница.
10. Казенный погреб. 11. Мажистратский двор.
12. Мастерская. 13. Кузница. 14. Белгородская часть укреплений насыпанная белым грунтом.
15. Караульное помещение. 16. Магазины.